

СТРОЙКА

Игорю Ролдугину

Шекспировская страсть — нести поклажу странствий!
«Пора, мой друг, пора!» — на сердце непокой:
пора тесать каркас, тащить на склады снасти
и грезить по ночам над картою морской!

Пора, как древле — Ной, тянуть бревно Ковчега,
оставя груз греха у брошенного берега!

Как ветер, бородат наш мастер вдохновенный,
как старый Посейдон, он щурится с верхов:
и, вещей корабел, сшивает остов сцены,
тревожа молотком шпангоуты стихов.

Шекспировская страсть — саднящие сонеты,
занозы на руках — актёрства и любви!..
...Корабль уже готов, и слышен зов Завета —
из Книги Бытия библейское: «Плыви!»

БУРЯ

Людмиле Ролдугиной

А ну-ка, по местам, похмельная команда!
Не время в глубине в углах валяться в ряд!
Легла на горизонт коварная громада,
и буря по бортам срывает якоря,

и стонут на снастях шекспировские рифмы,
и ветер тащит нас на каменные рифы!

Как трагик в кабаке, стихия размахалась,
но правит паруса лихой актёр-мастак!
И словно Сам Господь преображает хаос
в таинственный спектакль, летящий на маяк...

И в перекрестьях рей огни стихотворений
с неторной темнотой ведут упорный спор.
...И, точно гордый конь, в бурлении и пене
торжественный ковчег победно входит в порт.

NOX

Дмитрию Салтанову

Едва волна в ночи убавит ярость —
богиня Нокс отправится во мрак;
расправит небосвод расшитый парус,
Селена разожжёт сигнальный знак.

Богиня Нокс! — узорная причёска,
брильянтами украшенная броско!

Богиня! — над морской чёрной ширью
с какой-то непонятной тоской
она в безумье грезит о Шекспире
и призрака приветствует рукой.

Как статуя резная за бушпритом,
среди морских видений и примет,
она летит — языческой молитвой,
а мы, немые, — смотрим её вослед.

СИРЕНА

Екатерине Ширяевой

У коварных мелей поют сирены —
луноликие девы с когтями грифа,
и команды манят, влекут на рифы,
обрекая лодьи пучине брэнной.

Затопил побережье прибой сирени,
затаил акрополь шипенье мифа;
ненавязчиво, нежно, легко и тихо
упоительным ядом струятся вены.

Ну, гребцы, запечатайте воском уши,
сохраните от смерти слепые души,
только мне оставьте моё безумье!

Пусть услышу, прикован цепями к мачте,
как в Невидимом Граде поёт и плачет
этот голос, манящий в коварном шуме!

ПРИСТАНЬ

Сергею Ганину

Не зря Борей бугрился духом бури,
не зря струился струнами снастей
и вдруг остановился, лик понуря,
на каменной коломенской версте! —

волшебная готическая гавань
укрыла бриг, потрёпанный и бравый...

Команда сходит с пьяною отрадой
в душистый плен — дыханье диких роз;
узорный вертоград немого града
кладёт к ногам узлы плетистых лоз.

С улыбкой шепчут пепельные тени
в садах кремля шекспировской строкой;
и манит сетью демон Возрожденья
с причала — в заколдованный покой!

ПОЛЁТ

Елене Дмитриевой

Сквозь дождь и солнце — воздух Вознесенья
несёт на крыльях горечь тополей,
и, словно чайку, светлое веселье
стремит навстречу небу и земле.

Обрывки тучи рвутся, точно знамя,
над морем, над зелёными волнами!

И сцена — в нетях летнего наряда —
взрезает, словно плот, зелёный прах;
на звонком ветре — светлая наядя
смеётся и танцует на волнах.

Сквозь дождь и солнце, шорохи и звёзды,
похожая на лёгкие цветы,
она взлетает — брошенную розой —
и замирает, в воздухе застыв!

ТЁМНАЯ ЛЕДИ

Екатерине Карпузиной

Пока Шекспир, как будто хитрый вождь,
сокрыт за рукописной смурой грудой,
его — живого — вряд ли ты найдёшь
под стылою столетнею остудой.

И только тени водят хоровод,
мешая в нём: исток и перевод.

И лишь художник знает до конца,
какая это страшная морока —
кроить, как будто платье для венца,
обрывки Ренессанса и Барокко.

Но вот — на грани каменных эпох —
волшебною рукою отогретый,
рождается живой и жгучий вздох
из тёмной книги горестных сонетов!

КУКЛЫ

Срджану Симичу

Мы — куклы богов, как сказал однажды
герой в платоновском диалоге;
и грезит сердце напрасной жаждой,
коль судят Участь не люди — боги!

Судьбу решают, метнув монетку,
а мы — всего лишь марионетки.

И только тени в тиши театра
пути укажут в туман бессмертья,
пройдут в Элизий дорогой краткой
меж вязкой хлябью и зыбкой твердью.

Небесной Сербией веет воздух,
коварной Англией льются воды...
И мудрой кукле не нужен отдых
в руках Бессмертного Кукловода.

ШУТ

Илье Федосееву

О шутовство слепоты любовной
кляпы невысказанного актёрства!
Злая горячка и пульс неровный
рвутся наружу слезой нестертой.

Вешняя зелень — цветы Коломны —
станут невыкошенной соломой;

станет насмешкой — любовь мальчишки,
станут страницы — золой горячей,
свалятся на пол сердца и книжки
под башмаки колдовской гордячке.

Счастье развеется дымом смирны,
высохнет влагой на звонком зное
и упадёт на ладонь Шекспира
каменную слезюю.

КОРОЛЬ

Василию Культину

На грани моря — сумрачный трактир
скрыпит и ловит ветер похоронный.
А у дверей стучит безумный Лир,
увенчанный картонною короной;

живым и мёртвым не даёт покоя —
в худом плаще и с флейтой шутовскою!

К чему в чужой ночи — неверный свет?
— В случайности — сквозит Первопричина:
предстанет вещим Смыслом — вечный бред
и Образом — актёрская личина!

Что делать!.. Принимай учёный вид,
трактирщик! Эля пенного налей ты
и жди, когда нам в окна постучит
король безумный с нищенскою флейтой.

МЕЛОДИЯ

Татьяне Семаевой

Такая нынче тишь, такой простор! —
лишь Время серебрится звёздной пылью...
Но поднимает руки дирижёр
и простирает их, как будто крылья,

и вот уже мелодия летит
дыханием видений и молитв!

Лети, лети, бесценная слеза,
певучими, бесплотными дарами!
О, как молчит сегодня старьёй зал!
такая тишина — как будто в храме...

Кружится мир, грохочет и гнетёт,
что остаётся в этом тщетном зыке?
Лишь тихий взмах — и медленный полёт,
и этот вздох — не музыки — музыки!

ВИНО

Антону Чехову

Дыханье тополя и трав —
июня жаркая растрата
стекает, запахи собрав,
к виденью летнего театра.

И ты хмелеешь, поражён
лихим актёрским куражом!

Шампанского кипящий бег
струится сердцу на потребу;
и не поймёшь — откуда снег
летит — с деревьев или с неба.

Шипит игристое вино
в бокале — влагою морозной!
...И вьётся лёгкой пеленой
июньский вечер — вечер звёздный!

ДРУГ

Дмитрию Пархоменко

«Горацио, есть множество вещей,
что даже мудрецам чудны и чужды;
и среди них — воспетая вотще
доверием пронизанная дружба.

За друга ты готов сойти во Тьму,
ты жизнь доверился ему;

а между тем — любовная тоска
куда сильнее верности и чести:
сама собою крадется рука
к чужой сестре, подруге иль невесте...

В устах пылает сладостный недуг —
отравленный настой грехопаденья!
...Столетия спустя — приснится Друг,
пройдя в ночи предательскою тенью».

ПЕРЕОДЕВАНИЕ

Светлане Коноваловой

Трюмы театра! — и словно в пиратских робах
бродят актёры, обряжены в пёстром платье;
волны ладонями плещут, мгновенья тратя,
в море солёном гудит корабля утроба.

Пьяница-ветер взывает: Сыграем, братья!
В сердце вскипает брагой любви хвороба;
тени ролей под палубой плачут, чтобы
кто-то однажды взял, да решил сыграть их.

Но костюмер искусный способен в трюмах
этой толпе теней подыскать костюмы,
чтобы подсказки платья удобней слушать,

чтобы, на париках поправляя букли,
старый покров расправить — ожившей куклой,
чтобы вложить в личину — живую душу!

А. Б. В.

Не зря старинный стих пленяет нас,
как в хлебе на столе — горчинка тмина,
как странный спиритический сеанс
в готической гостиной у камина.

Казалось бы — что толку хлопотать,
ища чужую грацию и стать?

И всё же — бродит аглицкая речь,
чужой закваской сбраживая млеко...
И будет смех, и слёзы будут течь,
как в Англии — тому четыре века.

И сальная свеча горит, как встарь,
и утром не погаснет — уж поверьте!
...И чья-то тень неслышно сбросит гарь
на старый стол — в печальное бессмертье.

ЛОЦИЯ

Наталии Павловой

Коломна — лодка! Тяжёлый лот
давно потерян в глуби Посада...
И Время, точно Чеширский кот,
с ухмылкой таращится из засады:

пора отправиться в тайный путь,
со старой лощи пыль стряхнуть!

Зовёт и манит подводный звон,
на скалах башен, гляди-ка, эвон —
взлетела в небо орда ворон;
и плещет улица, будто Эйвон...

Играют призраки-моряки,
туман глотая, густой и вязкий.
И веет Англией от реки,
и пахнет «Бурей» и «Зимней сказкой»!

ЛИРИКА

Олегу Федотову

Не драмы и не лировские лимрики
украсят наш прославленный корабль.
Мой добрый дальний друг! — «немного лирики»
сойдёт, как на фуражку — старый «краб».

И мы, увидев «краба», скажем: «Здрасьте!»
таинственным стихам и горькой страсти.

Немного сна и магии немного,
немного зла и нежности чуть-чуть
отправят нас на зыбкую дорогу —
пропитанный морскою солью путь.

Сонеты бьют о каменные склоны,
слегка смешав Илирию и Крым;
и кажется астральная Коломна
древнее, чем Британия и Рим!

ПРИБОЙ

Наталье Степановой

«Суровый Дант» не брезговал сонетом,
пока он был ещё не столь суров.
Другое дело — злой «творец МакБета»,
загадочный знаток солёных слов.

Почто, скажи, душа моя Наташа,
такая в голове Шекспира — каша?

Зачем под старость праздновать романы,
тянуть любви золоченую нить,
хвалить Подругу — страстно, непрестанно,
чтобы потом — её же — костерить?

Стихи повиты пылью, точно тальком,
и смяты в ком насмешницей Судьбой.
...А море — бьёт о брег английской галькой,
и стонет вновь шекспировский прибой.

ПАРУС

Борису Архипцеву

Груз переводчика — отвага,
и путь его — неповторим.
Видать, не зря смекнул Живаго,
сказав, что старость — это Рим.

Сюда выходят все дороги
через проливы и пороги.

Но всё же — что такое — Старость?
Холодной опытности сеть?
Простёртый в море чёрный парус,
что поменять забыл Тесея?

Так пусть придут стихи — из мрака,
сквозь речи тёмные места
и у Коломны бросит якорь
британский старый капитан!

ЖАВОРОНОК

Ирине Ивановой

На мачте треплет ветер старый флаг,
пронзая синеву Отчизны нашей;
и бродят лодьи — «в греки из варяг»,
и лёгким йодом тянет от Ламанша.

И не понять в разноязыких спорах —
куда плывёт шиповниковый Город!

Откуда он? И где его причал?
И как попал из Стрэтфорда в Верону?
И кто славянский город увенчал
узорчатой латинскою короной?

Но в воздухе развеялся ответ;
и реет в наше небо вознесённый
взъерошенный, порывистый сонет
над полем русским, словно жаворонок!

ЭКСКУРСИЯ

Татьяне Стукниной

Тысяча шестьсот шестнадцатый —
двадцать третьего апреля...
Вроде надо попрощаться бы
среди жухлой вешней прели.

Только вновь цветёт и ширится
жизнь под цифрою ЧЕТЫРЕСТА!

Зыбится цветами розными
кремль, шиповником одетый —
у Собора быются розами
Йорки и Пантагенеты.

Мы пройдемся вместе с Танею,
как дорожкой ковровой —
от шекспировской Британии
до ахматовской Коломны.

ЗАНАВЕС

Моим друзьям

Игривым сидром пьеса отошла,
но занавес Коломне не положен.
Театр с названьем странным: PASTILA
провинциальный вечер растревожил.

Плывёт по морю сказочный кораблик —
коломенский акцент французских яблок.

О сладости Руси! О русский сад!
Но тени иноземные теснятся,
плащи взвивая, словно паруса,
в собрании посадских декораций.

Безмолвный мир меняет естество,
идёт корабль в объятья Зодиака,
и укрывает палубу его
медлительный и мягкий бархат мрака.

ПЕСНИ

Наталье Маркеловой

Какие светлые напевы,
какая трепетная нежность!
Поют неведомые девы
вдоль ив, у зарослей прибрежных,

и вторят голосу русалок
кремля загадочные скалы...

Когда венки плывут по водам
и в них отсвечивают свечи —
какая странная свобода
звучит в напевах наших речек!

Их тайный голос — неизвестен,
и ты, робея, видишь, словно
плывёт среди цветов и песен
туманная ладья Коломны.

КОРАБЛЬ

*Мастер бороду корябал
и смущённо замечал,
что Коломна, как корабль,
покидает свой причал.*

Михаил Мещеряков

Хоть пристань ковыряй тяжёлым ломом,
хоть стой столбом, хоть бороду чеши —
отчаливает Старая Коломна
в закатной заколдованной тиши!

Какая-то безмерная нелепость:
уходит бронированная крепость!..

Куда она? — скажи, умелый мастер,
узнай, к чему направлен тайный путь,
заклей стиха разрозненные части,
счти Судьбы пророческую суть!

Но певческий талант, увы, неволен —
уходит Город в небо от земли;
и каменные мачты колоколен
сквозь сумерки рисуются вдали...